

Вильтовская Светлана Владимировна.

Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост... "

Всю свою жизнь трудилась в Нефтяном Научно-Исследовательском Институте в газовой лаборатории в должности старшего инженера. Являюсь автором методики разделения кислорода и аргона в газовых смесях методом газо-адсорбционной хроматографии. Институт ВНИГРИ участвовал в открытии и разработке нефтяных и газовых месторождений СССР.

МОЯ БЕЛОРУССИЯ В ОГНЕ ВОЙНЫ, КАК Я ЕЁ ПОМНЮ

Я родилась 7 января 1939 года в д. Загорье, Бегомльского района, Минской области Белоруссии. Мать – Галина Давыдовна (1910 – 1991) по национальности – еврейка. Отец (1905 – 1961) – белорус.

В нашей семье до войны было трое детей. Кроме меня, было два брата. Старший – Вильтовский Лев Владимирович (1932 – 1982 г.) и младший – Вильтовский Игорь (1940 – 1945 г.). В 1945 г. родилась сестра – Салмон (Вильтовская) Лариса.

Мои родители вместе с нами, детьми, и бабушкой (мать отца) перед войной жили в деревне Загорье, в Белоруссии. Родители – учителя, преподавали в средней школе.

Семья Вильтовских перед самой войной

За неделю до начала войны моя мать уехала в санаторий Кисловодска по путевке. Из-за военных событий мама не имела возможности вернуться домой. Белоруссия была охвачена огнем войны. Мама вынуждена была уехать в Бологое к родным, а оттуда вместе с её родителями и сестрами эвакуировалась в Челябинскую область, а затем в Чувашию.

Мама на отдыхе в Кисловодске

В первые дни войны к нам в Загорье приехала родная сестра отца – Вильтовская Вера Львовна с детьми – Верой (15 л.), Таней (13 л.) и Оксаной (10 лет). Фамилия моих сестер в девичестве была Алай. До войны они жили в Смолевичах. Минск и Смолевичи первыми приняли на себя удар войны.

В первую военную осень немцы в Загорье не стояли. Вместо себя они назначили старосту. В деревне Мстиж (Мстиж и Загорье два части одной деревни

разделенные речкой) уже свирепствовала полиция, сформированная из бандитов, выпущенных из тюрем, из людей, обиженных на советскую власть, из украинских и белорусских националистов и прочих асоциальных элементов

Где-то в сентябре-октябре у нас, во Мстиже, немцы организовали еврейское гетто. Всем евреям приказали носить на рукавах повязки с изображением желтой шестиконечной звезды. Через некоторое время всех евреев стали выгонять из своих домов и селить всех на одной улице. Эту улицу постоянно охраняли полицаи. Евреям не разрешалось общаться с соседями, за малейшее нарушение правил – расстрел. Наказывали и белорусов за контакт с евреями. Наша семья была интернациональной. Мама – еврейка, мы, её дети – евреи. Отец Вильтовский Владимир Львович – поляк по отцу, бабушка Дарья Кондратьевна – белоруска, Вера Львовна (сестра отца) и её дети белорусы.

В нашем доме поселился страх: все боялись за жизни детей. Маму мою все знали – она работала учительницей русского языка в школе. Национальность мамы тоже была всем известна. Каждый день приносил страшные сообщения, начались расстрелы в гетто. Однажды, поздно вечером к нам постучали. В дом вошли люди в черном. Один из полицаев, бывший учитель, работавший с мамой в одной школе, учинил допрос отцу. Он, полицаи, заявил, что у полиции есть сведения, что в Загорье вернулась Гита (моя мать) и, что она скрывается в своём доме. Намерения у полиции были очевидными: отправить мою мать в гетто. К нашему счастью, хоть это слово не уместно для того времени, маму не могли найти, т.к. её и не было в доме. Причиной переполоха было то, что кто-то принял тётю Веру за маму, т.к. тётя в маминой шубе куда-то выходила. Дом долго обыскивали, выжидали. Уходя, пригрозили, что в случае обмана, расстреляют всех и сожгут дом. Всех сковал смертельный страх.

Оставаться в деревне становилось опасно, особенно после следующего события. Была глубокая осень, шёл снег. Нас детей укладывали спать. Кто-то тихо постучал в окно. Бабушка вышла, затем через какое-то время быстро вошла в дом, сняла с вешалки кожух (короткий тулуп), пальто, взяла буханку хлеба, сало и снова вышла. Вернувшись, рассказала, что приходили наши соседи-евреи, вырвавшиеся из

немецкого плена, из гетто. Голодные и раздетые пришли за помощью к нам, соседям. Фамилия этих людей была Поднос. Рассказывали, что они потом ушли к партизанам.

Оккупанты, тем временем, вели себя, как полновластные хозяева. За малейшую провинность – избиение плетью или расстрел. Помню, рассказывала бабушка, как в дом незадолго до нашего ухода в лес, по улицам посёлка пронеслась немецкая машина. Она объезжала дворы, подъехала и к нашему дому. Из машины выскочили немцы в чёрных мундирах, на рукавах эмблема: череп и кости. Подошли к дому, распахнули дверь, влетели на кухню и унесли все наши продукты.

Вскоре, в начале зимы 1941 г. По решению районной партийной организации мой отец уходит в партизанский отряд «Железняк». Там он организует подпольную типографию, выпускающую антифашистскую газету «Савецкі патрыёт». Газета выходила на белорусском языке.

В нашей и соседних деревнях растёт напряжение: начались массовые расстрелы евреев. Наступила зима 1941 г. Отбирали крепких мужчин-евреев, гнали в лес недалеко от деревни и заставляли копать большую яму. После этого привозили сюда бедных людей, отнимали у них вещи и расстреливали из пулемёта. Полицаи врывались в дома и устраивали расправу на месте, если им что-то не нравилось. Один из полицаев вошёл в еврейский дом, где громко плакал грудной ребенок. Молодая мать не могла его успокоить. Женщина не могла понять, что от неё хочет бандит. Тот разозлился на кричащего младенца, выхватил из рук матери и с силой ударил головой о стенку. Обезумевшая мать выскочила на улицу с мёртвым ребёнком. Вся деревня слышала её безутешный крик.

Мы, дети, не понимали, почему так волновались взрослые. Все вздрагивали от любого шороха. Было понятно, что медлить дольше нельзя: за нами могли прийти в любую минуту. Уже потом, когда мы ушли в лес, кто-то из односельчан рассказывал, что у въезда в городской центр Бегомль на доске были вывешены списки семей, подлежащих расстрелу. Среди этих списков была и наша семья. Я даже помню (со слов взрослых) заглавные слова в этих списках: «расстрелять семью партизана Вильтовского В.Л. ...» и далее перечисление всех членов семьи поименно.

Мои родители. 1932 год.

Я хорошо помню последний день в нашем деревенском доме перед уходом в лес. Этот день явился началом моего восприятия жизни, т.е. свою жизнь, её начало я помню именно с этого дня. Помню, как тётя Вера, моя вторая мама, сказала, что ночью мы уйдем в лес, а немцы сожгут наш дом. Я ходила по дому, смотрела на вещи – диван, часы, лежанку. Мне было очень жаль, что всё это сгорит. Ручки дивана были отделаны резными украшениями из дерева, напоминавшими маленьких куколок. И больше всего мне было жалко, что сгорит этот диван.

Я попросила тётю Веру накрыть меня последний раз красивой маминной шубой (той шубой, которая устроила среди полицаев переполох). Ночью взрослые взяли узлы с вещами. Копали ямы во дворе и прятали там какие-то пожитки. Ещё до рассвета собралось несколько семей, все с детьми. Мне кажется, что мы взяли с собой корову, я это, к сожалению, плохо помню. Перед утром, т.к. в памяти осталось зарево, с огромными узлами, на которых сидели маленькие дети, в том числе и мой младший брат Игорь, люди двинулись в сторону леса. Белорусские леса, особенно белорусские болота (дрыгва) вызывали у немцев неподдельный страх. Не зная мест, можно было легко погибнуть, затеряться или утонуть в непроходимых болотах.

Мы же знали в наших лесах все дороги и лесные тропы. Люди надеялись, что лес спасёт их, сохранит им жизнь. Тем не менее, наступила зима, а зимы в Белоруссии довольно суровые. Нужно было не только спастись от врага, но и просто выжить в суровое время. Мы находились в лесах Бегомльского района,

который стал центром партизанского движения. Немцы боялись леса. Против партизан и мирных людей, укрывшихся в лесу, они бросали фронтовые части со всеми видами вооружения: самолётами, танками, орудиями, миномётами. Спасаясь от карательных отрядов, мы вместе с некоторыми односельчанами ушли далеко в лес. Отныне и надолго лес и болото стали нашим домом.

Нужно было создать элементарное жильё, чтобы укрыться от врагов и непогоды. Пришлось копать ямы. На дно ямы бросали ветки и мох. Сверху яму маскировали следующим образом: плотно укладывали жерди по размеру ямы, набрасывали на жерди сучья, лапник и в щели между жердями прикрепляли молодые деревца. В каждую яму был боковой лаз, который тоже маскировался. Воду пили из болота. Помню эту коричневатую-желтую воду с легким запахом гнили. В начале было молоко для детей, потом коров пришлось резать, кормить их было не чем. Несмотря на холодное время мясо не сохранилось. Я до сих пор помню вкус этого протухшего мяса, но и его очень экономно расходовали.

Продукты быстро закончились. Чтобы не умереть с голоду люди по ночам прокрадывались на картофельные поля и огороды, ковыряли промёрзшую землю и отыскивали сгнивший картофель – лопуны. Лопуны имели отвратительный запах и вкус, но мы были рады, что хоть что-то можно есть. Бабушка копала какие-то съедобные корни, доставала мороженную ботву, тайком на костре, если удавалось, варили какую-то «бурду». Соли не было. Мы с младшим братом просили тётю Веру: «Мама, посоли». Тётя складывала пальцы щепоткой и делала вид, что подсаливает. Жизнь в ямах была невыносимо тяжёлой, особенно для нас, детей. Приходилось согнувшись сидеть в сырой, холодной яме. По стенам ямы стекала вода, было сыро, голодно и холодно.

Карательные отряды прорывались в лес с овчарками. Мы издали слышали лай собак, он у меня до сих пор в ушах. Взрослые не разговаривали и нам запрещали. Не допускался никакой шум. Для нашего успокоения кто-то из старших сестёр придумал игру: тот, кто будет дольше всех молчать, получит гнилушку (кусочек гнилого дерева), который в темноте светиться изумительным изумрудно-зеленым светом. Мы, я и мой брат Игорь, ради этой игрушки старались молчать как можно долго.

Мой младший брат Игорь с мамой. 1941 год. Зима.

Прошло много лет после войны, но до сих пор, когда я оказываюсь в лесу, я ищу среди гнилых пней кусочек дерева, гнилушку с замечательным зелёным светом. Тщетно, гнилушки как будто исчезли навсегда.

Время, военное время продолжалось, с трудом пережили первую зиму. Весной появилась трава, где-то лебеда. Заячья капуста была необыкновенным деликатесом.

В целях безопасности наша семья покидала насиженные ямы и уходила на болота или дальше в лес. Помню один из тяжелейших переходов. Мама Вера, бабушка несут узлы. Ноги у всех опухли от голода, от гнуса. Мы, дети, идём рядом. У меня ужасно болят ноги, они сплошь покрыты фурункулами. Я очень хочу остановиться и постоять одну минутку, я очень устала, прошу остановиться, но меня никто не слушает, все идут и идут дальше. Подошли к болоту, впереди стреляют. Останавливаемся, я проваливаюсь по пояс, моё пальто расплылось по вязкой жиже. Бабушка подхватила меня и вытащила из трясины. Всё в порядке, но лапоть остался в болоте. Мне его очень жаль. Он был новый, подшитый кусочком коровьей шкуры.

Сидим в болоте: снизу мокро, сверху льёт проливной дождь, укрыться нечем. Помню постоянный гул от гнуса и комаров. В этом болоте сидели больше месяца. Негде было просушить одежду. Если кто-то отваживался зажечь костёр, немцы минами обстреливали тот участок.

В один из таких обстрелов мы перебежали из одного конца болота к другому цепляясь за болотные кочки, поросшие скудными деревцами. Самолёт-разведчик уже пролетел над лесом и болотом. По опыту мы знаем, что сейчас с минуты на минуту появится тяжёлый бомбардировщик, сбрасывающий бомбы на бреющем полёте. Нам скрыться негде, остаётся только замереть, слиться с землёй. Вот слышится хорошо знакомый рёв Юнкерса. Сброшенная бомба меня не пугает, т.к. я приняла её за большую птицу. На наше счастье бомба не взорвалась. Бабушка навалилась на меня всем телом и шепчет: «Молись, детка». Я спрашиваю бабушку, как молиться. Тогда на болоте я выучила молитву «Отче наш ...»

Вспоминается одна из тяжёлых немецких блокад. Вся наша семья сидела в яме. Всё было как всегда: холодно, голодно, сыро.

Идет дождь, стекая в яму ручейками. Несмотря ни на что, задремалось. Проснулась оттого, что в глаза бьёт яркий свет, яма раскрыта. Какая-то мужская фигура склонилась над ямой и что-то кричит. Случилось вот что. Немцы обнаружили одну из ям. В этой яме пряталась наша односельчанка. Напуганная до смерти она выдала всех. Открывали одну яму за другой. Старых и немощных били плёткой.

Дрожащих и напуганных людей погнали по дороге. Вскоре мы подошли к огромному костру. Такой огромный костёр я видела впервые. Возле костра толпилось много народу. Бабушка взяла меня за руку и зашептала: «Мы должны бежать отсюда». Я не понимала, почему нужно уходить, ведь здесь так тепло и хорошо. Бабушка продолжала убеждать: «Мама и Игорь уже ушли, мы тоже должны убежать». Я нехотя согласилась. Было совершенно темно. Мы огляделись. У меня и сейчас перед глазами злаковое поле напротив костра и кустарник с обеих сторон поля.

По земле передвигались ползком, дороги не видно, бабушка выпрямилась, чтобы осмотреться и в это же время немцы ракетой осветили пространство. В нескольких шагах от себя мы увидели часового. Он нас тоже увидел, закричал, замахнулся. Бабушка упала на камни и стала умолять о пощаде, объясняя, что ребёнка вывела по нужде. Немец гнал нас в сторону костра, избивая бабушку сапогами. Бабушка Дарья крепко держала меня за руку. Её тело содрогалось от

ударов. Я чувствовала эти удары и сжималась каждый раз, ожидая, что часовой ударит и меня, но меня он не тронул. Вскоре мы снова были у костра. Там была и мама Вера с моим младшим братом: их тоже задержал часовой. Старшие дети – мой брат Лёва (10 лет) и двоюродная Таня (13 лет) смогли убежать.

Помню рассказ брата о побеге. Детали из памяти исчезли, запомнилось только то, что они так быстро бежали, что от бега саднило в груди. Потом катились с обрыва. В соседней деревне переночевали в пустом сарае, долго сидели в лесу и, наконец, присоединились к людям из соседней деревни. С нами у костра оставались две мои двоюродные сестры, дочери тёти Веры. Старшей Вере было 15 лет, младшей Оксане – 12 лет. Немцы отбирали для Германии молодых девушек, забрали и моих сестёр.

Всех, кто были у костра, превратились в немецких пленников, там же, в соседней деревне – Горожанке. К сожалению, детская память не удержала детали из жизни в немецком плену. Помню длинный тёмный сарай без окон. Свет проникал в сарай через щели. Знаю, что из плена нас освободили через месяц. Это было уже в конце войны.

Немцы в спешном порядке отступали. Мы узнали, что наши деревни Загорье, Горожанка, Мстиж – свободны. Выползали из леса больные, измученные люди, вошли в деревню. Деревни, как таковой не было. Мы увидели пепелища, кое-где возвышались чёрные трубы от печей. Немцы, отступая в спешке, бросили походную кухню с котлом горохового супа. Люди толпились у котлов, глотая слюну и слёзы: боялись, что суп отравлен, да и есть было не чем. Люди постояли у котлов и решили: всё равно умирать – от голода или от яда. Нашли какие-то черепки, разделили суп. Я помню вкус этого чудесного горохового супа, ароматного и необыкновенно вкусного. Кажется, это – была весна 1944 г. Люди радовались освобождению, радовались, что закончилась жизнь в нечеловеческих условиях. К сожалению, не обошлось без потерь для нашей семьи: умирает от дизентерии мой младший брат Игорь.

Через неделю после его похорон приехала мама.

На протяжении всей войны мама металась в поисках возможности добраться до своей семьи, делала запросы, разыскивала мужа и детей. Помню, как я впервые в

своей жизни осознанно увидела свою маму. Худая, совершенно седая женщина медленно шла в сторону нашего пепелища. «Смотрите, цыганка», - сказала бабушка. Помню, что мама привезла какую-то непонятную еду – масло и шоколад. Шоколад мне очень понравился. Я не знала, как попросить у этой тёти ещё кусочек. Наконец, решилась: «Если ты мне дашь ещё шоколада, я буду называть тебя мамой».

Света Вильтовская в первом классе

Вскоре из партизанского отряда «Железняк» вернулся мой отец.

После войны какое-то время мы жили в деревне Бабцы, а затем переехали в Бегомль. Тётя Вера с семьёй уехала в Борисов. Бабушка Дарья долгое время жила с нами, потом уехала к младшей дочери в Быхов.

В 1945 г. у нас в семье появилась моя младшая сестра Лариса.

В г. Бегомле семья жила до 1961 г. В 1961 г. умер отец в возрасте 55 лет и мама с младшей дочерью уехала в Бологое, к родным.

Я с 1956 г. живу в Ленинграде – С.-Петербурге. В 1961 г. я закончила Педагогический институт им. Герцена. С 1963 по 1993 работала в Нефтяном институте.

В конце своих воспоминаний хотелось бы сказать несколько слов вот о чём.

К сожалению, детская память не смогла закрепить в хронологическом порядке все события военного времени. Остался страшный фон и отдельные яркие пятна воспоминаний на этом фоне. Эта страшная война 1941 – 1945 г. давно ушла в историю. И не только я одна лишилась своего детства: война искалечила и уничтожила миллионы человеческих жизней.

Это не забывается никогда!

11.03.2013-19.04.2013